

услугу Пугачев, прибегая к языку «Повести о Савве», соглашается «всякое вспомоществование чинити». Это не что иное, как ответная реакция чудесного помощника, в типологическом отношении эквивалентная проповедской функции получения героем волшебного средства (здесь: заступничества и покровительства крестьянского царя). К этому следует добавить, что в Белогорской крепости Пугачев еще раз испытывает Гринева (второй ход предварительного испытания): задает ему трудную задачу, предлагая перейти на службу в отряды восставших. Отрицательная реакция героя — этически правильный (это будет видно из последующих рассуждений) поступок, позволивший ему усилить расположение Пугачева.

В коллективной статье «Проблемы структурного описания волшебной сказки» читаем: «Начавшись, цепь сказочной помощи обычно уже не прерывается до самого конца сказки, приобретая подчас эстафетный характер — советчик указывает путь к дарителю, даритель наделяет вспомогательным волшебным средством, позволяющим найти помощника, помощник добывает волшебный предмет и т. д.»⁹³ Столь же разнообразную гамму помощи мы встречаем и в «Капитанской дочке». Покровительство, оказываемое главному герою, перепоручается одним персонажем другому: Савельич спасает Гринева на суде, учиненном Пугачевым; Пугачев нейтрализует вредительство Швабрина. В повести отчасти воплощен такой же эстафетный принцип, каким руководствуется сказка, с той только разницей, что в волшебной схеме намечена линейная градиция, возрастающая последовательность чудесной помощи, а в «Капитанской дочке» распределение помощников на сюжетной линии не совпадает с их иерархическим положением в ценностной структуре произведения (вслед за Пугачевым герою содействует добавочный помощник — Зурин).

В сюжете «Капитанской дочки» путь испытаний проходит не только герой, но и героиня. Судьба Маши Мироновой складывается по правилам сказочного архетипа.⁹⁴ Иначе: в повести Пушкина контаминированы два набора волшебных функций в их мужском и женском вариантах. Приступом и победой мятежников обуславливается гибель машинных родителей, и, подобно герою, она ввергается в состояние временной смерти (горячка, вызванная трагическими событиями) с последующим возрождением. Смертью родителей часто начинаются многие волшебные тексты. Этот подвид сказочной завязки Пропп называет «усиленной формой отлучки».⁹⁵

Правда, несколько забегаю вперед, скажу, что женский вариант сказочного сюжета в повести заметно редуцирован. Маша переживает лишь одно испытание, которое следует понимать как предварительное. Испытателем (испытательницей!) Маши становится императрица. Встреча с ней (кстати сказать, Екатерина II не узнала: фигура неузнанного волшебного помощника, скрывающегося под личиной странника, старика и т. п., возникает в сказке постоянно); этическая проверка (в нашем контексте — проверка нравственного кодекса романтической любви);⁹⁶ «пра-

⁹³ Проблемы структурного описания... стр. 129.

⁹⁴ Между прочим, по навету Швабрина, Гринев думает увидеть в Маше «совершенную дурочку» — глухой отголосок низкого статуса фольклорных героинь. К этому присовокупим ее бедность: «...девка на выданьи, а какое у ней приданое? Частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить», — объявляет Василиса Егоровна (стр. 297). Впоследствии низкое положение Маши чудесным образом изменится: императрица одарит ее.

⁹⁵ В. Я. Пропп. Морфология сказки, стр. 36.

⁹⁶ Не удивительно ли, что Екатерина II не требует от Маши равным счетом никаких доказательств относительно подлинности ее слов о мотивах, приведших Гринева в пугачевский лагерь? С точки зрения реалистического правдоподобия это —